

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА
ОТЛИЧНИЦА

ТАКОЙ ТАЛАНТ
НЕ ДОЛЖЕН ПРОПАДАТЬ ЗРЯ

Татяна Филатова

Отличница

«Автор»

2025

Филатова Т.

Отличница / Т. Филатова — «Автор», 2025

Вчера Яна танцевала школьный вальс, а сегодня она лежит в темной комнате, прикованная цепями к кровати. А в темноте — он. Кто он такой? Что она здесь делает? Откуда он ее знает? Зачем она ему? Темнота сводит с ума, кошмары заполняют сознание, а чувство безысходности лишает смысла жить. Исчезновение медалистки подняло много шума в маленьком городе. Марина приехала из Москвы, чтобы возглавить поиски девушки, но это место пробудило и ее собственные скелеты в шкафу, что желают вырваться наружу. Никаких следов, никаких зацепок. Ничего. Лишь чувство вины тех, кому была дорога пропавшая выпускница и отличница, а еще — осознание содеянных ошибок, которое пришло слишком поздно...

© Филатова Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Филатова

Отличница

Глава 1

Исчезновение

Она пошевелилась. Голова жутко болела, а еще руки... Ее запястья саднили, чувствовалась тяжесть, а движения были ограничены. Запах странный. Глаза не открывались. А еще, кажется, натертая за прошлый день над пяткой мозоль лопнула, и теперь в том месте неприятно пекло.

Мозоль... Она натерла ее новыми туфлями, которые надела на выпускной. Выходит, вчера был выпускной. Так вот, почему болит голова... Она выпила. Но ведь совсем немного. Видимо, для отличницы, которая никогда до этого не пробовала алкоголь, этого вполне хватило. Но почему же тогда она не может пошевелить руками?

Яна приоткрыла глаза. Далось ей это нелегко. К счастью, в комнате, где она лежала, был полумрак: будь здесь яркий свет, ее глаза бы не выдержали этого. Девушка постаралась приподнять одну руку и взглянуть на нее, и у нее это даже получилось, однако то, что она увидела, повергло Яну в ужас. Она с трудом повернула голову на другой бок и взглянула на вторую руку. Кровь ударила в виски, адреналин тут же разбудил Яну окончательно: на ее кистях были цепи, которые в свою очередь крепились к кровати. Не к ее кровати. Яна задергала руками, но каждое резкое движение давалось ей с болью. Она приподняла голову и посмотрела на себя: на ней все еще было ее выпускное платье, которое она надела вчера днем: длинное, голубое, с открытыми плечами и декольте. Верхняя часть платья была усыпана стразами также голубого цвета. Но теперь ее платье не выглядело нарядным: юбка была потрепана и испачкана, шифон был смят, стразы в некоторых местах отсутствовали. Девушка приподняла ноги, взглянула на свои грязные пальцы, на яркий розовый лак на ногтях, попыталась вспомнить, где и когда она сняла туфли, которые так натирали ей весь вечер, но не смогла. А потом она решила осмотреться вокруг: темная комната с низкими потолками, над изголовьем ржавой, большой кровати, где лежала девушка, висел маленький светильник, света от которого было недостаточно, чтобы рассмотреть все в деталях, однако Яна увидела рядом с собой письменный стол и книжные полки над ним, забитые до отказа книгами. Дальше, кажется, было что-то еще, но разглядеть это не представлялось возможным. Окна в комнате не было, но ведь наверняка была дверь... Яна перевела взгляд чуть левее – туда, где, оказывается, был расположен дверной проем. Там было темно. Очень темно. И все же Яне показалось, что в проеме кто-то стоял: высокая, темная фигура. Определенно, мужчина. Он стоял, облокотившись на дверной косяк, сложа руки на груди, и смотрел на нее. По спине пробежали мурашки. Яна заерзала на кровати, грязными пятками стягивая из-под себя постельное белье. Ее подбородок задрожал, потекли слезы. До сознания, наконец, дошло понимание того, что происходит: ее похитили.

Темная фигура зашевелилась, и Яна поняла, что сейчас тот, кто стоит около двери, к ней подойдет. Ей стало жутко и страшно еще больше, чем было минуту назад. Она принялась умолять его не трогать ее, а потом закричала. Тяжелая рука опустилась ей на лицо, закрывая девушке рот и вынуждая ее замолчать.

Марина часто выезжала в командировки, и эта поездка, как она думала, будет для нее рядовой: маленький городок, население – немногим больше пятидесяти тысяч человек, чуть больше ста километров от Москвы в сторону юга – ничего нового. Дело тоже вполне стандарт-

ное: после школьного выпускного исчезла одна из выпускниц. Марина знала, как это чаще всего бывает: подростки отмечают окончание школы, частенько перебирают лишнего, а затем просыпаются где-то в малознакомых им местах. Кто-то тут же является домой с повинной, а кто-то продолжает кутить, мол: чего уже торопиться домой, если все равно до дома далеко?

Но работа есть работа: ребенок пропал, и его поискам должен заниматься Следственный комитет.

Марина приготовила завтрак, а Сергей – ее муж – заварил им кофе. Ксюша, их дочь, которая месяц назад окончила второй класс, уже две недели была на даче в Калужской области вместе с бабушкой и дедушкой – родителями Сергея. У Марины родителей не было. Отца своего она не знала, отчим погиб, когда ей было десять лет, мать умерла спустя год. Все это не помешало Марине самостоятельно поступить в Академию МВД, после окончания которой она еще и выучилась на психолога.

Сережа работал в банке, занимал высокую должность. Их семья была безупречной ячейкой современного общества: пять дней в неделю каждый занимался своим делом, вечером все собирались за ужином, который чаще всего был заказан из ресторана, в выходные все выезжали на совместный отдых: зоопарк, рыбалка, парк аттракционов, кинотеатр. Иногда Марина по работе уезжала на пару дней, тогда Сергей работал дома, чтобы иметь возможность отвезти и забрать дочь из школы, иногда было наоборот. Жили мирно, спокойно, уважая и отчасти разделяя интересы друг друга.

О работе супруги старались дома не разговаривать, особенно о работе Марины. Сергей давно привык к тому, что его жена носит звание майора, что ее подчиненные иногда заезжают вместе с ней к ним домой на чашечку кофе, а еще к тому, что Марину могут выдернуть из дома в любой момент, и тогда и в зоопарк, и на рыбалку он едет с дочерью один.

Но сейчас лето. Через три недели самолет – вся семья летит на отдых в Сочи. Сергей и Марина долго подгадывали совместный отпуск, и наконец все звезды сопали – вылет двадцатого июля.

– Ты надолго? – спросил Сергей за завтраком жену.

– Надеюсь, что вечером вернусь, – ответила Марина. – Сумка в машине... Если что – приеду завтра.

– Что-то серьезное?

– Девочка пропала. Семнадцать лет. После выпускного.

– Понятно, – протяжно ответил Сергей, – классика.

– Думаю, да, – согласилась Марина. – Но на моей памяти был один мерзкий случай: выпускницу в темноте подловили два брата-близнеца. Изнасиловали, избили. Девочку нашли за чертой города через сутки. Живую. Но еще бы немного, и не спасли. Одного посадили, второй отделался условкой: не смогли доказать его прямую причастность. Но через пару лет он загремел уже по наркотикам, там не отделался.

– Будем надеяться, – сказал Сергей, – что в этом случае девица банально «загуляла».

– Ладно, не будем о работе, – ответила Марина, поцеловала мужа в щеку и пошла одеваться.

Марина подошла к зеркалу шкафа-купе, чтобы привести себя в порядок. Она открыла шкаф и взглянула на собственную коллекцию деловых брючных женских костюмов: бежевый, сиреневый, красный, серый и, разумеется, черный. Марина достала бежевый: он идеально подходил под цвет ее волос, который она только вчера обновила в салоне красоты, снова выкрасив свои прямые, длиной чуть ниже лопаток волосы, в пшеничный цвет. Она не любила яркий макияж, а потому лишь слегка подкрасила светлые брови и длинные ресницы. Ее большие, голубые глаза всегда выглядели выразительно и без жирных стрелок.

Высокая, стройная – брючные костюмы смотрелись на Марине безупречно. Сергей вошел в спальню, чтобы тоже одеться, и, не удержавшись, сделал комплимент жене:

– Прекрасно выглядишь, – сказал он.

Марина улыбнулась, достала из шкафа наглаженную рубашку мужа и протянула ему.

– Благодарю, – с милой улыбкой ответила она и вышла из комнаты.

Сергей взглянул на себя в зеркало и подумал, что сегодня позволит себе не бриться – однодневная щетина выглядит не так уж запущенно.

Когда родилась Ксюша, никто не мог с уверенностью сказать, на кого же она была похожа, ведь Сергей и Марина были похожи между собой, как брат и сестра: оба статные и высокие, оба светловолосые, с голубыми глазами, у обоих прямой нос и выразительные скулы. Однако, когда Ксюша подросла, все близкие решили, что общего у нее все же больше с папой.

Марина села в машину, в багажнике которой всегда лежала сумка с ее вещами на случай, если командировка затянется, сняла босоножки на каблучке, надела мягкие, удобные мокасины, что лежали в машине, указала в навигаторе город, в котором пропала девушка, и отъехала от парковки в своем дворе. С учетом утренних пробок на МКАДе навигатор показывал, что ехать Марине придется примерно два с половиной часа. Заехав на ближайшую заправку и залив там полный бак, майор Фокина Марина Валерьевна купила большой стакан кофе и отправилась на юг Московской области.

До отпуска оставалось двадцать дней.

В маленьких городках все друг друга знают: на весь город четыре школы, одна поликлиника, пять детских садов, один дом культуры, один парк, и магазинчики, продавцы в которых, порой, выступают лучшими городскими справочниками. Марина вздохнула, вспомнив, что и сама она родом из такого же места.

Потехина Яна Михайловна, родилась третьего апреля две тысячи восьмого года, семнадцать лет, пропала после выпускного бала двадцать восьмого июня. Положительные характеристики как из школы, так и от ближайшего окружения, неконфликтная, в подозрительных кругах замечена не была, отзывчивая, победительница многих школьных и городских олимпиад, круглая отличница и золотая медалистка. Родители: Потехины Светлана Петровна и Михаил Игоревич, братьев и сестер нет. Отец – мелкий предприниматель, имеет несколько овощных палаток в городе, мать – бухгалтер на предприятии. Два месяца назад девушка рассталась с молодым человеком: Кулик Станислав Владимирович, ученик из параллельного класса, должен был танцевать с Потехиной вальс, но пара распалась. Лучшая подруга: Ларина Евгения Васильевна, троечница. Классный руководитель: Орлова Лариса Александровна, учитель русского языка и литературы, не замужем, детей нет. Вела класс Потехиной с пятого по одиннадцатый. Из подозрительных лиц: бывший одноклассник Степанов Савелий Владиславович, который ушел из класса после окончания девятого, поступил в колледж, откуда его отчислили через год. Оказывал пропавшей знаки внимания, вел себя агрессивно.

Марина еще раз перечитала информацию о пропавшей девушке из своего блокнота. Сидя в машине после часового общения с коллегами из небольшого отделения местной полиции, она составляла план своих действий. Разумеется, в первую очередь она пообщается с родителями девочки, затем – с ее классным руководителем и одноклассниками, теми, кто видел ее последними. После этого она допросит парней, которые, вероятно, были равнодушны к Потехиной, после чего вырисуеться общая картина и, возможно, удастся выяснить, куда же подевалась выпускница.

Марина держала в руках фото девушки и разглядывала его. Фотография была свежей: на ней Яна была изображена в своем классе в день выпускного в том самом платье, в котором она и исчезла. Девушка успела опубликовать это фото на своей странице в социальной сети, откуда следователь Олег Романович, приставленный для помощи к Марине Валерьевне, ее и скачал, после чего распечатал и приобщил к делу. С фотографии на Марину смотрела настоя-

щая юная красавица: длинные, светлые волосы, закрученные в ненавязчивые локоны, стройная фигура, на которой идеально смотрелось длинное голубое платье, открытые ключицы и тонкая, белая шея, неброский макияж, подчеркивающий природную красоту девушки, и добрые зеленые глаза. Яна выглядела как модель, но, судя по тому, что за несколько часов до ее исчезновения, ей была вручена золотая медаль, на первом месте у девушки была исключительно учеба. Марина обратила внимание на одну важную для нее деталь: девушка на фото немного сутулилась. Да, разумеется, Яна – отличница, а это подразумевает проведение множество часов, сидя за столом или партой, но для Марины это было показателем не только отличной учебы, но и желанием «спрятаться в кокон» от окружающего мира.

Она никогда не стеснялась ношения оружия, но и не афишировала этого. Должность обязывала, а шутить с судьбой и рисковать собой, работая чаще всего с людьми невысоких моральных устоев, Марина бы не стала. Она припарковалась под домом, в котором проживала пропавшая, сменила мокасины на босоножки с каблучком, надела бежевый пиджак, что висел на спинке пассажирского кресла, прикрыв им пистолет: будет лишним, если его кто-то заметит.

Марина подняла голову вверх: всего лишь девятиэтажка. Прожив почти двадцать лет в Москве, она отвыкла от таких домов. Но именно из такой же девятиэтажки много лет назад с балкона в квартире ее матери, что была расположена на девятом этаже, упал ее пьяный отчим, разбившись насмерть. Марина медленно опустила взгляд вниз, словно представляя траекторию полета своего отчима, и остановила внимание на окнах первого этажа: три окна были сплошь уставлены вазонами и горшками со всевозможными домашними растениями в них. Марина заглянула в блокнот, чтобы сверить адрес, и поняла, что этот цветник – это именно то место, куда ей и нужно.

Ее ждали. Как только Марина вошла в подъезд, дверь в квартире под номер двадцать девять открылась.

- Добрый день, – поздоровалась Марина, – я звонила вам.
- Да, проходите, – сказал мужчина средних лет и впустил Марину в дом.
- Майор юстиции, Фокина Марина Валерьевна, – представилась Марина.
- Потехин Михаил, – ответил мужчина, – а это моя жена – Светлана.

Марина пожала руку Михаилу, затем его жене и постаралась быстро изучить их: на вид каждому не более сорока, налицо – сбитый режим и неправильное питание, и, как следствие, лишний вес у обоих, а еще у Светланы были большие мешки под глазами, что, вероятно, говорило о том, что женщина постоянно плачет. В квартире пахло корвалолом, лицо Светланы выглядело уставшим. Михаил держался стойко, не позволяя себе проявлять эмоции, предпочитая быть холодным, чем признать «вслух», что на самом деле он разбит и подавлен. Но ни отец, ни мать пропавшей девушки не выглядели теми, кто мог бы быть причастен к исчезновению их дочери.

- Что-нибудь стало известно? – с надеждой в голосе спросила Светлана.

Марина присела в кресло, которое ей предложил Михаил, окинула взглядом бесконечное количество цветов в комнате, затем перевела серьезный взгляд на Светлану и ответила:

– Нет. Поверьте, мы делаем все возможное. Полиция прочесывает местность, просматривает видео с камер, хотя их, увы, в вашем городе немного. В данный момент следователи общаются с одноклассниками вашей дочери, но не все так просто: это – несовершеннолетние дети, а потому мы можем задавать им вопросы только с разрешения и в присутствии их родителей. Соответственно, нужно согласовывать встречи... Но я бы хотела задать и вам несколько вопросов. Знаю, с вами уже общались мои коллеги, однако мне необходимо больше узнать о вашей дочери непосредственно от вас.

Он потушил свет. Тот небольшой ночничок, что висел над изголовьем, больше не светил. Она могла бы и сама его включить, если бы у нее были свободны руки: всего лишь дотянуться до шнурочка... Но руки остались прикованными к кровати.

Яна лежала и стонала. Она пыталась вспомнить вчерашний день, если, разумеется, выпускной был вчера. Она хотела разложить все по полочкам, чтобы воссоздать в памяти все события того дня и понять, в какой именно момент она потеряла связь с реальностью, после чего очнулась уже здесь. Но здесь – это где?

Ей хотелось знать, где она, и кто он. А еще хотелось домой. И в туалет. В туалет, что странно, хотелось сильнее, чем домой. Вопрос приоритетов здесь и сейчас.

В рот был вставлен кляп, от которого приятно пахло. Разумеется, легче от этого Яне не было, но то, что тряпка, которую тот человек затолкал ей в рот, была стирана с кондиционером для белья, казалось неоспоримым и совершенно ненужным фактом.

Девушка снова заерзала на кровати, но облегчения ей эти движения не принесли. Тогда она замерла, закрыла глаза и стала мысленно переноситься во вчерашний день... Вот она дома. Мамина знакомая, тетя Ира, парикмахер, крутит Яне крупные локоны и намертво фиксирует их вкусно пахнущим лаком, раздраженная мать бегаёт по квартире и причитает, что они не успевают. Отец сидит у подъезда и безмятежно курит: Яна знала, что он нервничает перед ответственным заданием – станцевать школьный вальс со своей взрослой дочерью. Сама же Яна... Ей грустно. Она любила школу. Наверное. Больше всего она будет скучать по Ларисе Александровне – ее классной руководительнице, которая часто была ей, как мама. Только добрее.

Затем были сборы у школы... Стас. Яна старалась не смотреть в его сторону, но глаза сами постоянно искали его: высокий, красивый и такой... родной? Хотелось бы. Но два месяца назад Стас без объяснений порвал с Яной после почти полугодовых отношений. Ну и пусть катится. Зато не надо переживать, как поддерживать отношения на расстоянии, ведь Яна будет поступать в Москву, а Стас – в местный колледж. В «шарагу», как выразилась мать Яны. Вот только у Стаса будет хотя бы «шарага», а вот у Яны теперь уже...

Она отбросила эти мысли и отправилась дальше в путешествие по воспоминаниям прошлого дня. Награждение. Всего три золотых медалиста на весь город, и она – одна из них. Конечно, гордость. Мама плакала. Отец даже улыбнулся. А Яна проклинала эту медаль. Эта железка принадлежала папе, маме да даже Ларисе Александровне: кому угодно, но только не Яне. Но это все неважно сейчас. Что было потом?..

А потом был ресторан. Четыре выпускных класса ее школы арендовали большой ресторан, чтобы вместе отметить выпускной. Конечно же, на столе для детей алкоголя не было. Он был под столом. Все об этом знали, и никто ничего не говорил. Яна выпила бокал шампанского, и чуть позже бокал красного вина. Она танцевала, все надеясь на то, что Стас подойдет к ней. Ей было до жути больно видеть его на расстоянии. Но он не подошел. Зато приперся этот придурок – Савелий... И кто его пропустил? Пришел поздравить бывших одноклассников с тем, что они, наконец, «откинулись». Сам же он уже выглядел так, словно «откинулся» на самом деле: пропитые мешки под глазами, кожа на лице серого цвета, прокуренная одежда и пальцы рук, татуировка с каким-то крестом на предплечье, сбитые в кровь костяшки правой руки и перегар... Савелий пришел уже пьяным. Он без труда отыскал в толпе танцующих ровесниц Яну и тут же стал ее лапать и приставать к ней, пытаясь при этом стащить с нее ее медаль, чтобы надеть на себя. К счастью, другие парни, в том числе и Стас, вытолкали пьяного Степанова, попросив охранника на входе больше его не впускать.

Потом... Яна устала. Кажется, она просто сидела за столом, с грустью наблюдая за тем, как веселятся ее школьные друзья. К часу ночи громкие и быстрые танцы сменились медленными и спокойными для самых стойких: кто-то спал за столом, кто-то о чем-то болтал, кто-то с кем-то целовался, а кто-то уже ушел домой. Родители Яны ушли давно, зная, что их дочь

намерена ближе к утру вместе с классным руководителем, одноклассниками и некоторыми из их родителей отправиться в пешую прогулку к речке за городом, чтобы по старой традиции встретить рассвет. После этого вся толпа должна была направиться обратно в город, а так как в доме, где живет Яна, жили еще двое ее одноклассников, Потехины не видели причин волноваться за дочь.

Однако до речки Яна не дошла. Ей было грустно: отчасти из-за окончания школы, но в первую очередь из-за Стаса. Кажется, до ухода из ресторана, она общалась с Ларисой Александровной – человеком, которому могла рассказать намного больше, чем родной матери. А потом они собрались и вышли из клуба...

И теперь она здесь.

В дальнем углу что-то зашелестело. Послышался скрежет. И снова. Яна сжала пальцами рук простынь под собой, сжимая кулаки. Ногти больно врезались в ладони. В туалет все еще хотелось. Скрежет повторился. А затем раздался громкий хлопок, после чего Яна услышала писк. Крыса. Да, так, наверное, пищат крысы в предсмертной агонии, умирая в крысоловках. Но теперь Яна почувствовала какие-то шевеления около своих ног. Еще одна крыса?! Грызун обнюхивал ноги Яны, щекоча их своими усиками, и Яна поняла, что его так привлекает: разорванная в кровь мозоль, которая, к счастью, прилипла к простыне, будучи вдавленной весом стопы в матрас.

Яна снова заерзала ногами, но настырная крыса не спешила уходить. Слезы опять потекли по щекам девушки, из носа полилось, из-за чего тут же появился отек носоглотки, и Яне захотелось задышать ртом. Но во рту был кляп. Не имея возможности глубоко вдохнуть, испытывая жуткий страх и брезгливость от того, что мерзкий грызун трется о ее ноги, Яна стала осознавать, что у нее начинается приступ панической атаки. Сердце снова бешено забилося, руки и ноги продолжали хаотично дергаться, сквозь кляп прорывались отчаянные стоны. В этот момент раздался скрип двери, затем загорелся яркий свет – настолько яркий, что Яна крепко зажмурила глаза, а затем почувствовала, как что-то тяжелое, вероятно – его рука, прошла по кровати рядом с ногами девушки. Она попыталась приоткрыть глаза, но не смогла – свет больно, словно сотни иголок, впивался в них. Сперва раздался громкий возглас, а затем – тупой звук.

– Идиотские крысы! – услышала она мужской голос, а затем был еще один звук: мерзкий, противный, чвакающий.

Яна поняла, что произошло: он (пока она называла его только так) схватил нерасторопную крысу голыми руками, с силой бросил ее об пол, после чего наступил на грызуна ногой. Девушка заплакала еще больше.

– Я уберу его, – сказал он. – Только не ори. Все равно бесполезно. Тебя здесь никто не услышит.

Он вытащил кляп, отбросил его в сторону.

– Не глупи, – повторил он.

– В туалет, – прошептала Яна. – Я хочу в туалет.

Он вышел из комнаты, и девушка сделала еще одну попытку открыть глаза. На этот раз у нее это получилось. Теперь она знала, почему здесь было так светло: прямо над кроватью, где она лежала, висела огромная лампа накаливания. Яна таких никогда даже не видела. Он вернулся меньше чем через минуту. В одной руке у него было алюминиевое ведро, в другой – совок и небольшая метла. Он поставил ведро рядом с кроватью, вынул из него рулон туалетной бумаги, затем, вооружившись метлой и совком, обошел кровать и «замел» труп раздавленной крысы. В дальнем углу раздалось цоканье – там все еще дергалась умирающая в крысоловке другая крыса, и он направился за ней.

– Отстегни, – прошептала Яна, – пожалуйста, отстегни.

Он посмотрел на нее, молча извлек трепыхающуюся крысу и бросил ее на совок рядом с раздавленной, обтер руки об штанины и подошел к кровати. Девушке было страшно, но естественные потребности приглушали даже такое сильное чувство, как страх. Он вытащил из кармана ключи и снял маленький замочек с наручника на цепи правой руки девушки.

– Ведро стоит слева от тебя, – сказал он, – та рука останется пристегнутой.

– Но я не смогу, – возразила Яна.

– Сможешь, – ответил он.

Девушка осторожно повернулась влево и стала слазить с кровати. Да, чисто физически она могла присесть на ведро, но он...

– Ты выйдешь?

– Нет, – сказал он.

– Я не могу...

– Можешь. Придется. Тебе не надо меня стесняться. К тому же это вполне естественный физиологический процесс.

Яне было некомфортно, страшно, противно, брезгливо и стыдливо, однако она больше не могла терпеть – она собрала руками голубую, пышную юбку платья, стащила с себя белье и присела на ведро. Он стоял рядом и ждал.

– Ты хотя бы отвернулся, – сказала она, когда закончила.

– Без надобности, – ответил он, забирая ведро без какой-либо брезгливости. Держа его в одной руке, а совок с двумядохлыми крысами – в другой, он направился к двери.

– Почему я здесь? – Яна снова забралась на кровать, радуясь тому, что ее правая рука осталась не пристегнутой. – Зачем ты меня забрал? Кто ты?

Он остановился возле железной двери и повернулся к ней. Она смотрела на него взглядом, полным непонимания: как он мог так с ней поступить? Ведь, встретив такого мужчину в обществе, никто и никогда бы не подумал, что он способен на похищение человека, потому что выглядел он абсолютно нормальным: высокий, широкоплечий парень, не старше двадцати трех-двадцати пяти лет, густые темные волосы, приветливый взгляд, не выказывающий ничего ненормального или аморального, выразительные, карие глаза. Яна даже могла бы назвать его симпатичным, если бы не испытывала к нему жгучей ненависти и отвращения. Она не знала его. Она никогда не встречала его раньше. Она не могла предположить, что здесь делает, зачем он ее похитил и как это сделал. Она не помнила...

– Я Марк, – сказал он, – а ты – моя Яна.

Он поставил ведро, открыл тяжелую, железную дверь, переставил через порог ведро и вышел, прихватив с собойдохлых крыс. Свет остался гореть.

Яна сидела на кровати, не понимая, как ей быть. Она еще раз провела взглядом по комнате, и в этот момент лампа погасла.

Она снова осталась один на один с темнотой.

Глава 2

Родители

– Скажите, – спросила Марина, – были ли у Яны причины уйти?

– Как это – уйти? – удивилась Светлана.

– Уйти из дома, из семьи, – пояснила Марина.

– Да вы что, – охнула женщина. – Яночка – примерная девочка. Она бы так никогда не поступила. Она не связывается с плохими компаниями, не пьет, не курит. Всегда на первом месте – учеба! Мы с ней особо-то и не ругались никогда. Так, по мелочи... В основном из-за школы и из-за поступления. Ничего серьезного.

– Вы считаете, что в этом нет ничего серьезного? – удивилась Марина. – А чем ваша дочь увлекалась?

– Русским, – резко выпалила мать.

Марина приподняла одну бровь.

– Я имею в виду, – спокойно сказала она, – увлекалась по-настоящему. Помимо учебы.

Родители Яны переглянулись.

– Она в детстве ходила в музыкальную школу, – ответила Светлана, – закончила три года назад. Ходила на английский... На волейбол... Танцы были. Она с детского сада танцевала.

– Ей это нравилось? – спросила Марина.

– Ну, да... – Светлана замялась.

– Что вы скажете о ее друзьях? Молодые люди?

– С Женей они дружат хорошо, – сказала мать Яны. – Встречалась со Стасом, – у Светланы вмиг переменялось выражение лица. – Вроде, неплохой парень. Но бездарный. Непутевый. Кое-как на тройки школу окончил. Никаких амбиций. Планировал пойти в училище... то есть в колледж. То ли на сварщика, то ли на слесаря. В общем, Яночке нашей не пара. Он сам порвал с ней. Вот и славно. Проблем меньше.

– А еще этот... – буркнул отец. – Савелий. Гопник местный. Он Янке прохода долго не давал. Не удивлюсь, если он причастен к тому, что нашей дочки нет дома. Я бы сам к ним домой ходил, пообщался бы с ним. По-мужски... Да только жена не дает. Неприлично, видите ли, – он с укоризной посмотрел на Светлану. – Поэтому полагаемся только на вас.

– С ним я тоже пообщаюсь, – согласилась Марина. – И все же. Какова вероятность того, что ваша дочь могла куда-то уехать сама? Были ли замечены у нее нервные срывы?

– Ну, как и все нормальные дети, – начала пояснять Светлана, – Яна волновалась из-за экзаменов. Готовилась, не спала, нервничала. Боялась, что не сдаст.

– Она же отличница? – удивилась Марина.

– Круглая, – с гордостью в голосе ответила мать, – золотая медаль у нас!

– У вас... – тихо повторила следователь.

– Ну да. Яночка сутки напролет готовилась к ЕГЭ.

– А разве были предпосылки для того, что она могла не сдать?

– Нет, разумеется, не было, – махнула рукой Светлана.

– Какое это имеет отношение к тому, что Яна пропала? – серьезно спросил отец девушки.

– Возможно, непосредственное, – спокойно ответила Марина. – К сожалению, часто дети совершают необдуманные поступки из-за стресса, связанного с предстоящими экзаменами... Сейчас мои коллеги изучают телефон Яны, который был найден на месте, предположительно, ее исчезновения. Возможно, удастся узнать что-то новое.

– Вы прочесывали лес? – недовольно спросил Михаил. – Вы проверяли речку?

– Я – нет. Но мои коллеги и сейчас этим занимаются. Будем надеяться, что Яна жива, и что мы не обнаружим ее ни в лесу, ни в реке. В любом случае пока я собираю о ней всю доступную информацию.

После недолгого общения Марина покинула квартиру Потехиных. То, что родители не были причастными к исчезновению дочери, для нее было понятно сразу, но то, что для них на первом месте была не их дочь, а ее успехи в учебе – также стало неоспоримым фактом для следователя.

Далее по плану у Марины было знакомство с классным руководителем девушки – Ларисой Александровной. Родители Яны подсказали, что учитель их пропавшей дочери еще не ушла в отпуск, а потому в обеденное время ее без труда можно найти в школе, что Марина и сделала.

Она стояла у входа в школу, глядя на ее пустые окна. Воспоминания были разные и противоречивые: в обычную школу Марина ходила лишь до пятого класса включительно. Потом был интернат.

В холле Марина предъявила удостоверение и узнала на посту охраны, в каком кабинете может находиться Лариса Александровна. Оказалось, Марине нужно было подняться на третьей этаж. Она стояла в холле и понимала, что же было особенного в этом моменте. Тишина. Никто не кричал, не бегал, не бросался рюкзаками. Эхом разносился каждый шаг Марины: ее каблук, соприкасаясь с напольным покрытием, издавали характерный, цокающий звук, словно по школьному коридору шла недовольная директриса.

Тридцать первый кабинет. Дверь была открыта, а за учительским столом сидела классный руководитель Потехиной Яны. Это была классическая учительница: женщина, лет пятидесяти-пятидесяти пяти, выкрашенные в блонд, немного подкрученные волосы длиной до плеча, темные классические брюки, белая блузка с коротким рукавом и очки в тонкой оправе на носу. Женщина выглядела весьма элегантно и в то же время по-учительски обыденно.

– Лариса Александровна? – спросила Марина, заходя в кабинет. – Меня зовут Марина Валерьевна, Следственный комитет.

– Вы по поводу Яночки? – учитель тут же отложила бумаги, которые перебирала, наводя в них порядок. – Разумеется...

– Да, я по поводу Потехиной Яны, – ответила Марина и присела за первую парту второго ряда. – Насколько мне известно, вы были классным руководителем Яны с пятого класса.

– Да, – печально ответила Лариса Александровна, снимая очки, – Яночка всегда была моей любимой ученицей. Такая умная, такая старательная девочка... Настоящий эрудит от природы. Выигрывала все конкурсы и олимпиады, училась на одни пятерки, писала стихи. «Войну и мир» вздохнул за пару недель летних каникул прочла! Еще и обсуждали с ней потом... Медаль золотая. На экономический должна поступать...

Марина слушала учительницу, внимательно разглядывая ее: худосочная, утонченные черты лица, выглядит достаточно молодо. Голос у Ларисы Александровны был приятным, дикция четкая, построение предложений грамотное. Без сомнений, перед ней – учитель русского языка и литературы.

– Экономический? – вдруг удивилась Марина.

– Да, – подтвердила учительница, – меня это тоже удивило. Яночка такая способная к языкам, к гуманитарным наукам. Безусловно, она прекрасно знает математику, экономику, физику. И все же... Литература ей ближе. Но, что поделаешь... Родители настояли на экономическом. Яна сама приходила ко мне с жалобами, что ее вынуждают поступать туда, куда она не хочет.

– А куда бы хотела она?

– Педагогический, – с уверенностью ответила Лариса Александровна. – Она хотела стать учителем либо русского, либо английского языка. Разумеется, талантливый человек талантлив во всем, однако по душе Яночке всегда были больше книги.

– Как вы охарактеризуете ее отношения с классом? Друзья? Подруги? Молодые люди?

– С Женей она дружит с самого детства. Хорошая девочка, но интеллектуальные данные слабоваты. У таких на уме в первую очередь мальчишки, затем внешний вид, и только потом где-то в конце – учеба. Могу предположить, что в глубине души Женя завидовала Яне и ее успехам в школе. Парни... Стас – паренек из параллельного класса. Он недавно бросил Яну. Она говорила мне об этом. Плакала.

– Почему они разошлись? – спросила Марина.

– Он перестал с ней общаться. Стал избегать ее. Без объяснений, без каких-либо предпосылок. Просто, как говорит молодежь: отморозился.

– А Савелий?

– Савва... – задумчиво и даже печально ответила Лариса Александровна. – Савва тоже был моим учеником. Ушел после девятого класса. С третьей попытки сдал экзамены. Учился посредственно. Вернее – не учился вовсе. Парень неглупый, но потерян для общества. Живет с мамой и младшей сестрой, отца нет. Мать тянет его и сестру, работая сутками. А Савелий вместо того, чтобы помогать матери, портит ей жизнь: постоянно попадет в передраги, отчислен из колледжа, то и дело связывается с плохими компаниями, пробует то, что нельзя пробовать... Вы понимаете, о чем я. На его мать столько было административных протоколов составлено... А что она сделает? Он неуправляемый. К Яне он испытывает какие-то странные чувства. Яна – очень красивая девочка: светлые волосы, красивые глаза, утонченная фигурка... Как говорится в фильме: «Студентка, комсомолка, спортсменка... Наконец, она просто красавица!». Савва с чего-то вдруг решил, что ей обязательно должны нравиться такие хулиганы, как он: дерзкие, хамоватые, наглые. Он буквально преследовал ее: поджидал у школы, пытался провести домой, караулил ее, когда она ходила на дополнительные занятия. Мое мнение: он вполне может быть причастен к тому, что Яночка пропала. Парень криминальный... И это факт.

– Он присутствовал на выпускном вечере? – спросила Марина.

– Он приходил... Сперва он просочился в ресторан, и никто ему ничего не сказал. Но когда стало понятно, что он пронес с собой крепкий алкоголь, охрана выставила его.

– А затем? Кто-то видел его после ухода из ресторана? Он был на речке?

– Мы его не видели... Я была с ребятами, Савелий в поле зрения не попадал.

– Яну тоже не видели?

– Нет, Яночки на речке уже не было. Я это заметила, но решила, что она ушла с кем-то из ребят. Например, со Стасом... Стас тоже не пошел встречать рассвет. Он всю ночь смотрел на Яну издалека, не сводил с нее глаз. Я думала, что они решили уединиться, чтобы решить все свои разногласия. Как ни крути, Стас – неплохой парнишка. Да, не отличник, да, из небогатой семьи, но он совсем не такой, как Савва.

– Мои коллеги уже общались с Савелием, – спокойно сказала Марина. – Он отрицает, что возвращался к бывшим одноклассникам после того, как его выставили из ресторана.

Лариса Александровна лишь пожала плечами.

– Не пойман – не вор! – сказала она.

– Я позже еще, возможно, с вами пообщаюсь, – Марина встала из-за парты. – Сегодня я намерена лично поговорить со Степановым.

– Дать вам мой номер? – спросила учительница. – Дело в том, что я с завтрашнего дня в отпуске... Меня может не быть в школе.

– У меня есть ваш номер, – улыбнулась Марина, – и адрес. Если что, я заеду. Всего доброго...

– Ты такая красивая... Ты самое красивое живое существо, что я видел... Ты безупречна.

Он гладил ее лицо и шею тыльной стороной ладони. От его руки приятно пахло ванильной выпечкой, но это Яну отнюдь не успокаивало: ее объял ужас. По причине того, что три минуты назад Яна истошно проорала «Помогите!», он был вынужден снова вставить ей в рот кляп, не забыв добавить, что он вовсе не хочет этого делать. Он объяснил ей, что затыкает ей рот тряпкой не потому, что боится, что она до кого-то докричится, а потому, что его раздражают громкие звуки. А она очень громко кричит...

Его лицо было так близко рядом с ее... Она чувствовала мятный запах его зубной пасты. Казалось, он хотел бы ее поцеловать, но не решался.

Он сидел рядом, а она, всхлипывая, плакала от страха. Он не стал включать светильник или большую лампу, он использовал обычный фонарь, и оттого все казалось еще более жутким. Она все еще не понимала кто он, где они находятся, и что ему от нее нужно. Она здесь провела уже ночь. Или день. Или сутки. Яна не знала. Но она все еще лежала прикованная цепями к кровати. Он не убил ее, не изнасиловал, не разрезал, с целью изъять из нее органы. Так зачем она ему?

Он снова провел рукой по ее щеке и шее, а затем стыдливо одернул руку, когда добрался до зоны декольте.

Она всхлипывала. Силы покидали ее. Она ни разу не ела и не пила с того момента, как оказалась здесь. Но здесь – это где?

Яна тихо застонала, закрыв глаза.

– Хорошо, – сказал он, – я уберу кляп. Но, повторю: я не люблю шум. Нет толку кричать. Ты в безопасности. Тебя здесь никто не найдет.

Он осторожно вынул кляп изо рта Яны. Ее небо, язык и губы пересохли.

– Воды, – прошептала она.

Он отвернулся, осветил фонарем в сторону, где был стол. Оказывается, на столе все это время стояла пятилитровая бутылка с водой. Или он принес ее недавно? Неважно. Это – вода. Он наполнил пластиковый стаканчик и поднес его ко рту Яны. Девушка жадно обхватила пересохшими губами край стакана и за три глотка выпила всю воду. Совсем немногие капли, вылившиеся из уголков ее губ, попали на шею, но от этого Яне было только приятно.

– Еще, – прошептала она. И он снова налил ей воды. – Я хочу есть, – сказала Яна, осушив второй стакан.

– Я принесу тебе еды, – ответил он. – Но ты должна мне кое-что пообещать.

Яна закивала головой быстро-быстро, насколько хватило сил.

– Ты не будешь кричать. Не будешь пытаться выбраться.

Он встал с кровати и направился к двери, прихватив с собой фонарик.

– Постой! – окрикнула его Яна. – Оставь свет. Пожалуйста...

Он остановился, открыл дверь, нащупал рубильник и включил свет – огромную лампу, висевшую под потолком, что ярко осветила комнату, в которой находилась Яна.

Он вышел. Девушка попробовала приподняться, но смогла лишь опереться на локти. Снова оглянулась, снова для себя отметила, что в этой комнате не было окон. «Подвал» – промелькнуло в сознании. Логично. Где же еще? Он же сказал, что ее никто не услышит. Кажется, он говорил, что его зовут Марк... Яна не знала его. Никогда не видела, нигде не встречала, не слышала о нем от знакомых.

Она услышала, как за ее дверью хлопнула еще одна дверь, по звуку – тоже тяжелая, затем открылась дверь, которую она видела, и на пороге снова оказался Марк. В его руках был поднос, на котором лежало что-то, что тут же наполнило аппетитным ароматом тюремную камеру Яны. Она оживилась, заерзала, снова попыталась подняться.

– Я отстегну одну сторону, – спокойно сказал он. – А когда привыкнешь ко мне и будешь хорошо себя вести, я не буду пристегивать тебя вовсе.

– Пожалуйста, я хочу есть, – повторила Яна.

Марк не спешил. Он поставил поднос на стол, пройдя с ним рядом с кроватью. Девушку сводил с ума запах жареного мяса и овощного салата. Марк подошел к кровати, отстегнул от правой руки Яны наручник с цепью, помог ей сесть и положил за ее спину подушку.

– Спасибо, – скромно сказала девушка, хотя ей совсем не хотелось благодарить этого человека. Ей хотелось, если не убить его, то уж точно покалечить. Однако ее воспитали послушной, покорной, учливой, угождающей, хорошей девочкой.

Он поднес к ней поднос и положил его ей на колени. Перед Яной в бумажной одноразовой тарелке лежала целая гора спагетти и кусок жареной курицы, на второй такой же тарелке был овощной салат из помидора, огурца и зелени, заправленный, казалось, сметаной. Рядом лежала пластиковая одноразовая ложка. Яна схватила ее и стала жадно поедать все, что было перед ней. Марк стоял рядом и наблюдал за каждым ее движением.

– Пока – так, – сказал он. – Позже твое питание будет намного лучше. Оно будет безупречным. Я буду приносить тебе фрукты, ты будешь есть много отварного мяса и рыбы, включив в твой рацион витамины.

Не прожевав очередной кусок курицы, который только что отправился в рот, Яна подняла глаза на того, кто держал ее в этом подвале, и с удивлением уставилась на него.

– Может, ты просто отпустишь меня? – спросила она, вытирая тыльной стороной ладони свободной руки грязный рот. – Зачем кормить меня витаминами? Просто отпусти меня домой.

– Яна, – серьезным голосом ответил ей Марк, облокотившись на стену и сложив в замке руки, – не будь такой глупой. Видишь книги в этой комнате? – в соседней их намного больше. И я все их прочел! Я освоил всю школьную программу еще в двенадцать лет. К семнадцати годам я самостоятельно прошел обучение по трем различным направлениям, которые преподают в вузах. Мой мозг – уникален. Как и твой. Ты же была лучшей в своей школе. Согласись, ведь тебе наверняка было скучно на уроках? Ты все это знаешь... Для тебя это было слишком просто. Золотая медаль, – Марк указал пальцем в сторону стола, на котором, как оказывается, лежала медаль Яны, – лишь подтверждение тому, что ты – гениальна. Что тебя ждет там дальше? А? Посредственный институт, общежитие... Твои родители до конца не понимают, насколько важен твой талант. Он не должен пропадать зря. А если с тобой там что-нибудь произойдет? А если ты выйдешь замуж за посредственного парня, который не может вычислить дважды два? Он же испортит гены. Вы наплодите бестолковых, бездарных детей, которые никогда не достигнут того, чего достигнут наши с тобой дети.

Яна проглотила то, что у нее было во рту, чуть не поперхнувшись. Она уставилась на молодого мужчину, что стоял перед ней, и еще раз попыталась вспомнить, где она могла его видеть. Он был весьма симпатичным, а потому, решила Яна, она бы точно запомнила его. Но то, что он говорил, никак не вязалось с его внешним видом. В конце концов, она лежала прикованная им к кровати не пойми где и не пойми зачем.

– Зачем я тебе? – осторожно спросила девушка.

– Ты только подумай, – Марк оживился, улыбнулся и присел рядом с Яной на кровать, – если объединить твои и мои данные, то получится ведь настоящий гений, какие рождаются редко! Представь уровень интеллекта, уровень возможностей, уровень знаний! Он же обойдет всех своих современников!

– Ты что такое несешь? – Яна попыталась отползти дальше от парня. – Какие дети? Я тебя не знаю. Я вчера школу окончила. Пожалуйста, отпусти меня. Я хочу домой. Я хочу к маме.

Она снова заплакала, забыв о еде, треть которой была все еще на бумажных тарелках. Тарелки размокали, а у Яны, кажется, пропал аппетит. Она смотрела на молодого человека, что сидел рядом с ней, и чувствовала всем своим нутром, насколько сильно ненавидит его. Он украл ее. Он заточил ее в этом странном месте, наверняка – в подвале, он приковал ее к кровати и первое время морил голодом, чтобы потом пообещать ей здоровое питание и витамины. Для чего? То, что он говорил, не укладывалось в ее голове. Это сон? Она перебрала на выпускном

и отключилась? В напитки что-то подмешали? Возможно... Но не для того, чтобы Яна долго и крепко спала, а для того, чтобы погрузить ее в багажник чей-то машины и отвезти сюда. Кажется, теперь она припоминала багажник...

– Отпусти... – жалобно прошептала Яна.

Он придвинулся ближе к девушке, мило улыбнулся ей, нежно, как он думал, вытер ей слезы на щеке и сказал:

– Яна, пойми: ты – моя. Ты скоро это примешь и осознаешь, что я прав. Повторюсь: такой талант не должен пропадать зря. Мог бы я клонировать людей, я бы создал своего клона, который, имея мой ум, но живя уже в более современном мире, достиг бы и познал больше, чем я. Но я не могу. Так же, как и не могу позволить какой-то посредственной девушке родить мне ребенка с посредственными данными. Но ты – идеальна. Ты умна, ты способна к разным наукам, ты творческий человек. И ты красива. Что еще нужно?

– Ты серьезно? – Яна продолжала плакать. Тарелки размокли от недоеденной еды еще больше.

– Абсолютно. Я с тобой честен.

– Откуда ты меня знаешь? Почему я?

Марк улыбнулся.

– Какая разница? – ответил он. – Но, поверь, я знаю о тебе многое. Я знаю все о твоих родителях, которые подавляли тебя, я знаю о твоих успехах в школе, знаю о тех парнях, что имели на тебя виды. Но где они, и где я? Они – лишь глупые неудачники, малолетки, которые не стоят даже рядом в сравнении с тобой, с твоим интеллектом.

– Ты сумасшедший, – прошептала Яна, – я хочу к родителям...

– Ты наелась? – невозмутимо спросил Марк. – Я заберу тарелки. – Он взял одноразовую посуду с остатками еды и поднялся с кровати. – Я сейчас уйду. До тех пор, пока ты не привыкнешь к тому, что ты здесь живешь, не будешь пытаться сбежать или навредить себе или мне, я буду оставлять тебя пристегнутой и в темноте. Как только ты усмиришь свою бойкость, для тебя здесь будут созданы все условия.

– Какие еще условия? Я в тюрьме!

– Ты дома, – строго ответил Марк. – И это твоя комната. Она безопасна, но все же пока я опасаюсь оставлять тебя без присмотра. Я приду немного позже. Принесу тебе новую, чистую одежду и ужин.

– Пожалуйста, не оставляй меня здесь одну, – умоляла Яна, понимая, что страшнее, чем быть наедине с Марком, для нее было остаться одной в темноте в этом ужасном месте.

– Вот видишь, – ответил молодой человек, – ты уже привыкаешь ко мне. Это хороший признак.

С этими словами он вышел за дверь, плотно закрыл ее и погасил у Яны свет. Девушка громко завывала.

Глава 3

Претенденты на руку принцессы

– Савелий? – спросила Марина. – Степанов Савелий?

– Я уже все рассказал, – ответил парень, что стоял у приоткрытой входной двери.

– Твоя мама дома?

– Дома.

– Вот и славно.

Марина улыбнулась, показала молодому человеку удостоверение, что вынудило его открыть дверь полностью и впустить непрошеную гостью.

– Благодарю, – ответила она, разулась, понимая, что могла бы и не делать этого: пол в квартире был не чище, чем асфальт на улице.

– Здравствуйте, – к Марине вышла женщина лет сорока в домашней растянутой футболке и выцветших черных бриджах. – Что он еще натворил?

– Надеюсь, что ничего, – улыбнулась Марина. – Ирина? Меня зовут Фокина Марина Валерьевна, я из Следственного комитета. Я могу поговорить с вашим сыном?

– Да на здоровье, – устало сказала женщина, – простите, у нас не убрано, – она повела Марину за собой в зал. – Я сутками на работе, а дети... Я думаю, вы и сами все знаете.

– Наслышана, наслышана... – подтвердила Марина. Она присела в кресло, и к ней тут же подбежала рябая кошка, которая принялась тереться о нее ноги. Ирина и ее сын сели напротив Марины – на диван, что помогло ей внимательно их рассмотреть. Ирина: невысокая, худенькая женщина, с «уставшим» лицом, синяками под глазами и коротким хвостиком из волос мышиного цвета. Савелий: молодой, невысокий парнишка, с глуповатым и нагловатым видом, легким намеком на растительность над верхней губой и огромными мешками под глазами. Марина понимала, что, вероятнее всего, эти мешки у него появились из-за употребления того, что ему совершенно не стоило бы употреблять. Как бы там ни было, однако в присутствии Марины Савелий вел себя спокойно и сдержанно.

– Это из-за Яны? – спросила Ирина. – Я уже говорила вашим коллегам, что Савва, хоть и тот еще... хулиган, – она запнулась, взглянув с недовольством на сына, – но он не причинил бы вреда Яне. К тому же она ему нравилась.

– Вот об этом и поговорим, – улыбнулась Марина. – Савелий, – Марина перевела свой взгляд на парнишку, – расскажи мне о Яне. Почему она тебе нравится?

– Да просто, – замялся парень, – нравится и нравится. Симпатичная, – он стыдливо взглянул на мать, – умная, добрая... Раньше давала мне списывать.

– Но сам же ты совсем не такой, – сказала Марина. – Ты постоянный гость в полиции, несколько административных дел, с трудом увильнул от одного уголовного, в школе не учился, колледж бросил. Тебе сколько... Семнадцать? Через год будет восемнадцать. Ты немного младше Яны. Через год твоя мать перестанет нести за тебя ответственность и даже сможет выставить тебя за дверь, с облегчением выдохнув и начав устраивать личную жизнь. Далее: либо армия, либо тюрьма. При первом варианте у тебя еще есть шансы стать человеком, при втором – практически никаких. Так скажи, пожалуйста, понимая все это, зачем тебе была нужна симпатичная, умная и добрая девушка? Ты хотел превратить ее в то, во что превратилась твоя мама: в несчастную, замученную женщину, посвятившую жизнь одному балбесу – тебе?

И Савелий, и Ирина молчали.

– Я не верю, что ты причастен к исчезновению Яны, – продолжила следователь, – по той простой причине, что ты бы просто не смог организовать это похищение.

– Вы меня совсем за дебила держите? – возмутился Савелий. Мать его одернула, и он понял, что его возмущение было неуместным и невыгодным в первую очередь для него самого.

– Ни в коем случае, – улыбнулась Марина.

– Он вернулся домой под утро и пьяный, – вклинулась в разговор Ирина. – Если бы это он... Яну... Он бы не пришел так рано. Ведь, насколько мне известно, Яна пропала перед рассветом. И он бы не смог. Я точно знаю.

– Что – не смог? – переспросила Марина.

– Ну... убить ее. Он, конечно, тот еще... – мать печально взглянула на сына, – но он же не убийца. Да, он плохо учился, да, он... может выпить. Пытался воровать. Но он не убийца.

– Ирина, – следователь улыбнулась женщине, – а вы зачем его выгораживаете? Рядом с вами сидит взрослый парень, который уже самостоятельно несет ответственность перед законом. Парень, который в данный момент должен если не получать образование, то хотя бы работать, обеспечивая себя и, возможно, даже вас, ведь, насколько я понимаю, отца у него нет. В тяжелые времена семнадцатилетние ребята в нашей стране Родину защищали, а ваш сын выжимает из вас, хрупкой женщины, последние соки. С вашего же, замечу, на то одобрения. Вашему сыну нужно продержаться всего год, а именно: не загреметь в тюрьму и благополучно отправиться в армию ради собственного же блага, но для этого ему необходимо держать в узде свой глупый нрав, не подставляя себя и не выкачивая жизни из вас. Он без пяти минут мужчина, а вы защищаете его, как маленького мальчишку, которого обижают в песочнице другие дети. Вот только он не в песочнице, и вопросы к нему не у детей, а у полиции и Следственного комитета. И если вы хотите оставить силы на воспитание младшей дочери и, возможно, на развитие собственной жизни, вам стоит убрать руки от вашего птенчика-переростка, который, как я понимаю, не стремится покидать гнездо. Однако гнездо рухнет из-за его выходов, другим жителям гнезда стало явно тесно, а некоторые даже могут выпасть из него, пока этот «орел» пытается расправить крылья. Но, мой дорогой птенчик, – Марина снова взглянула на Савелия, – крыльями, если они уже отрасли, свое гнездо взрослые птицы накрывают, оберегая его от ветров, гроз и хищных птиц. А те, кто этими крыльями пытается раскидать свою семью по хлипкому гнездышку, рано или поздно сами из него и выпадут, однако же, так и не научившись летать, они разбиваются о землю и их поедают более крупные хищники.

Савелий и его мать молча смотрели на Марину, а она поочередно глядела на них. Легкая улыбка сошла с ее губ, она откинулась на спинку кресла, заметив, что к ее одежде уже пристала кошачья шерсть от кошки, что так и сидела у ее ног, и серьезно сказала:

– Ты не убивал Яну. Это ясно и без твоих показаний. Но ты мог видеть того, кто это сделал. Или же того, кто ее похитил. Думай, вспоминай. Кого ты видел? Кто показался тебе подозрительным? Кто был с ней рядом, когда ты был в ресторане? Видел ли ты, с кем она выходила на улицу?

Савелий опустил глаза, затем взглянул на мать, перевел взгляд на майора и сказал:

– Я ушел, кажется, в час ночи. Или в два. Пацаны меня вытолкали, но на улице мы с ними даже покурили вместе. Все было топ. Потом ко мне подошел Стас. Он стал высказывать мне что-то о Яне... Предъявлял... Говорил, чтобы я не трогал ее, не приставал к ней. Я заржал. Хотел дать ему в морду, но промахнулся. Пьяный был... А он не промахнулся, – Савелий повернулся боком и показал синяк на скуле. – А потом я ушел. Со мной было еще двое. Они старше... Я уже рассказывал про них. Мы разошлись где-то в три-четыре часа. В половине пятого я был дома. Мать не спала. Сидела на кухне, ждала... А я даже в комнату не дошел. Да и зачем? Там Машка спала. А я пьяный... Вот прям тут на диване и отрубился. А вечером пришли менты. Ну... полиция. И сказали, что Янка пропала. А я что? А я ничего. Не трогал ее. Да, нравилась она мне. Ну и что. Че мне теперь, жениться на ней, что ли?

Савелий хихикнул и тут же подавил смехок.

– Жениться? – ухмыльнулась Марина. – Конечно, ты не планировал жениться. Зачем тебе? Проще всю свою жизнь сидеть на тонкой шее у матери. Поправочка: всю ее жизнь. А

потом уже можно пересесть и на шею жены или той, кто будет выполнять ее функции. Это же так по-мужски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.